Матиевский, Н. И вновь война приходит в снах : очерк / Н. Матиевский // Сцяг Ільіча (Талачын). — 1999. — 24 снеж. — С. 2.

И ВНОВЬ ВОЙНА ПРИХОДИТ В CHAX Очерк

Через это пекло прошло пятьсот двадцать тысяч сто девяносто человек... Судьба каждого из них — штрих кисти на огромном полотне с названием «Афганская война». Что такое один штрих? Он просто незаметен на фоне целой картины. Но без него она никогда не будет полной! А не будучи полной, никогда не будет до конца правдивой.

Судьба бывшего десантника, а сегодня слесаря Толочинского горгаза Александра Шкеля – всего один штрих из полумиллиона...

...Война подкрадывалась к нему ночью, когда поток дневных забот – значительных и мелких, сиюминутных и пожирающих уйму времени – разбивался о заслон смеженных сном век, и он до утра проваливался в туннель забытья.

Сначала он плыл по этому туннелю легко и плавно, а потом чернота внезапно обрывалась, и он снова и снова обнаруживал себя там, где был и в прошлом сне, и в позапрошлом, и в других, давних уже, снах. Опять и опять его взвод отчаянно вырывался из густой и такой неестественно яркой на фоне запыленной, спекшейся под солнцем бурой земли, кандагарской «зеленки». В этом мире сочной зелени таилась, незримо растекалась, почти физически ощутимая смерть... Наполняя кустарник парализующим страхом, она змеей скользила меж стволов и ветвей, выжидала в засаде, чтобы с раскаленным шипеньем ударить, ужалить кого-то из тех, кто шел ей навстречу...

Он вскакивал в постели и, все еще находясь в пространстве сна, что-то кому-то кричал, о чем-то предупреждал – и снова бессильно валился на смятую подушку. Он все еще воевал.

Утром жена с нотками озабоченности сообщала:

– Ты опять что-то ночью чудил...

Он неопределенно пожимал плечами: может быть, не помню... Причем здесь ночь, когда вот он и вот день. И все, все уже давно в прошлом. Чудил? Да нет, ей показалось.

Он поверил жене только тогда, когда, проснувшись, обнаружил на руке вдребезги разбитые часы — грохнул во сне со всего размаха рукой об угол прикроватной тумбочки. Глянул на изувеченный циферблат — и вспомнил: да, этой ночью они опять проходили через «зеленку»...

Кровоточащие души лечит время. Только время.

Александр, приветливо подавший мне руку, внешне с тех пор мало изменился. Он был сегодня почти такой же, как и на снимках пятнадцатилетней давности. И улыбка – та же. Просто сбросил пропыленную, грязную «афганку», надел рубаху в клеточку, пуловер... И вот сидит рядом, вскользь рассматривает кипу фотографий на столе. Рассматривает, отвечает на мои вопросы...

Поднимаемся в рост,

Отвечаем огнем,

Между огненных звезд,

Не сгибаясь, идем.

С крыши зло огрызнулся пулемет. Первая очередь вспорола пепельно-серую пыль метрах в семи впереди. Вторая – ударила едва ли не у самых ног. Падая, Саша успел заметить на крыше нервно пульсирующее пламя, вырывающееся из пулеметного ствола. Позиция у душмана, что ни

говори, удачная. Под прицелом – весь взвод капитана Каримова. Перед дувалом – голый, пыльный пустырь. Слева – виноградник.

Виноградник... А что, если... Конечно... По нему можно обойти «духа». И тогда... Но до густой спасительной зелени – метров пятьдесят открытого пространства.

Все же надо рискнуть. Не лежать же, уткнувшись носом в пыль...

Саша оглянулся. В нескольких метрах сзади увидел друга Серегу. Встретился с ним взглядом. Молча кивнул головой з сторону виноградника...

Друг понял все без слов... Кивнул – прикрою...

И когда сзади звонко застрочил автомат, Саша, словно стартуя на стометровке, приподнялся на руках и, оттолкнувшись ногами от земли, рванулся к винограднику.

Упруго ударил в лицо горячий воздух. У самого виноградника, сбивая над головой листья, запоздало резанула пулеметная очередь.

А вскоре по крыше, где притаился бандит, с двух сторон, крест-накрест ударили десантники. Через несколько минут пулемет замолчал. Теперь уже навсегда...

В скольких боях участвовал? – Александр Шкель задумался. – Да разве кто их подсчитывал. Иногда операция по «зачистке» территории от «духов» длилась и месяц, и более...
 И бои каждый день. Трудные, жестокие, с кровью, смертью...

Мы идем, грозовыми путями,

Ополчись на невзгоды и смерть,

И наградам, летящим за нами,

Так непросто успеть.

Голубоглазый паренек, смертельно раненный, упал почти прямо на Александра. Кровь фонтаном била из груди. «Духов» добьют уже без меня, – пронзила мысль Александра. – Надо спасать парня, иначе истечет кровью...

И он вытащил на себе безусого десантника под свистом пуль в безопасное место... За участие в этой операции наш земляк Александр Шкель был награжден медалью «За отвагу» – одной из самых уважаемых боевых наград, приравненной к ордену. А вторая медаль «За боевые заслуги» нашла его уже дома...

Как много радости и света,

Тепла, и нежности, любви.

Несут конверты со строчкой этой,

И как ей радуемся мы...

Вдали от родной земли по-особому воспринимается все, что связано с Отчизной, родительским домом. Родина здесь — это боевой приказ командира, позывные «Маяка», прорвавшиеся через треск и эфире, это — еловая ветка, заботливо уложенная в чемодан отпускника в какой-то маленькой белорусской деревушке, это фотография той единственной, которая обещала ждать, письма...

Однажды случилось так, что Александр Шкель больше месяца не получал писем. Сначала взвод преследовал по пятам душманскую банду, потом десантники карабкались по горным кручам, чтобы занять господствующие высоты. Затем Саша некоторое время находился на сторожевом посту. Вот и сюда прилетел в сгущающихся сумерках вертолет. Место для посадки было неподходящее, поэтому вертолет, как огромная стрекоза, завис в нескольких метрах над

площадкой. Открылась дверь, и оттуда полетели на землю ящики с продуктами, пачки газет и писем. Саша ходил именинником: ему было адресовано 15 писем – от родителей, брата, сестры...

– Мама узнала, что я был в Афганистане, только тогда, когда вернулся домой, – поделился Александр Шкель. – Я не писал об этом, не хотел расстраивать...

Вот она, святая сыновья любовь к самому дорогому человеку – матери! Перед ней нельзя не преклоняться...

Александр охотно рассказывает о своей службе а Афганистане, о боевых товарищах, которые ему часто снятся. Но в его лексиконе нет таких слов, как мужество, отвага, героизм. Он простой, искренний, добродушный белорусский парень, мужчина, одним словом. С ним смело можно идти о разведку. Он надежный, верный друг.

Н. Матиевский